

Содержание

Искусство понимать девочек, или Сила женщины 7

Маленькие женщины

Глава 1. Игра в пилигримов	31
Глава 2. Счастливого Рождества	45
Глава 3. Лоуренс-младший	59
Глава 4. Тяжёлые ноши	73
Глава 5. Добрые соседи	88
Глава 6. Бет находит Украшенный Чертог	102
Глава 7. Эми в Долине Унижений	111
Глава 8. Джо встречается с Аполлионом	120
Глава 9. Мэг отправляется на ярмарку тщеславия	134
Глава 10. «П.К.» и «П.О.»	155
Глава 11. Эксперименты	168
Глава 12. Лагерь Лоуренса	182
Глава 13. Воздушные замки	207
Глава 14. Секреты	219
Глава 15. Телеграмма	231
Глава 16. Письма	242
Глава 17. Маленькая праведница	252
Глава 18. Мрачные дни	261
Глава 19. Завещание Эми	272
Глава 20. Секреты	283
Глава 21. Лори сеет раздоры, а Джо добивается мира	291
Глава 22. Чудные луга	306
Глава 23. Тётушка Марч улаживает дело	316

ХОРОШИЕ ЖЁНЫ

Глава 1. СПЛЕТНИ	333
Глава 2. ПЕРВАЯ СВАДЬБА	348
Глава 3. ТВОРЧЕСКИЕ ПОИСКИ	356
Глава 4. УРОКИ ЛИТЕРАТУРЫ	370
Глава 5. ОПЫТЫ ДОМОВОДСТВА	380
Глава 6. ВИЗИТЫ	399
Глава 7. ПОСЛЕДСТВИЯ	416
Глава 8. НАШ ИНОСТРАННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ	431
Глава 9. ПЕРИПЕТИИ ЛЮБВИ	445
Глава 10. ДНЕВНИК ДЖО	460
Глава 11. ДРУГ	477
Глава 12. ДУШЕВНЫЕ МУКИ	497
Глава 13. ТАЙНА БЕТ	511
Глава 14. СВЕЖИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ	518
Глава 15. ДОЛГИЙ ЯЩИК	534
Глава 16. ЛЕНИВЫЙ ЛОУРЕНС	550
Глава 17. ДОЛИНА СМЕРТНОЙ ТЕНИ	568
Глава 18. УЧИМСЯ ЗАБЫВАТЬ	576
Глава 19. СОВСЕМ ОДНА	592
Глава 20. СЮРПРИЗЫ	602
Глава 21. МИЛОРД И МИЛЕДИ	623
Глава 22. ДЕЙЗИ И ДЕМИ	630
Глава 23. ПОД ЗОНТИКОМ	638
Глава 24. ВРЕМЯ СБОРА УРОЖАЯ	656

ИСКУССТВО ПОНИМАТЬ ДЕВОЧЕК, или СИЛА ЖЕНЩИНЫ

Первую книгу знаменитой тетралогии Луиза Мэй Олкотт написала по настойчивому и совершенно не радовавшему ее требованию издателя. Каким-то образом тот угадал, что не имевшая детей и по тогдашним понятиям уже почти потерявшая шансы выйти замуж тридцатипятилетняя писательница, лихо закручивающая на продажу приключенческие сюжеты, сочинит удачную книгу про девочек. «Про девочек! — возмущалась Луиза. — Я ничего не знаю о девочках!» И правда, мало того что у нее не было собственных детей, лишь двое племянников — у Луизы не было того опыта, который кажется естественным любому человеку XX–XXI века: она не училась в школе, то есть не наблюдала разнообразные типы сверстниц в разных ситуациях и на разных стадиях взросления.

В Америке XIX века учеба в школе еще не общеобязательна, хотя вполне ожидаема для детей из более-менее «приличных» семей, причем школы в маленьких городах не делились по признаку пола, мальчики и девочки сидели в одном классе — вспомним Тома Сойера и его ухаживание за Бекки. Да и в воскресной школе Тому представлялись возможности для «kozyряния», и немножечко — в самой церкви. В жизни Луизы ничего этого не было — ни общеобразовательной школы, ни воскресной, ни даже церкви. Причиной тому были родители, в первую очередь отец.

Эймос Бронсон Олкотт, выходец из бедной фермерской семьи и самоучка, в двадцать четыре года бросил душевредную работу разъездного торговца и занялся преподаванием. В 1834 году (ему тогда было 35 лет, недавно появились на свет две дочери, будущая писательница и ее старшая

сестра) отважный Эймос открыл собственную начальную школу, основанную на «принципах и методах воспитания малышей», каковые принципы изложил в опубликованной за свой счет книге. К этим методам относились отказ от телесного наказания и подробное исследование «сердца и совести» провинившегося — как мы это видим и в книге Олкотт. Такие новшества смущали родителей, примерно как нынче смущают уроки о правах ребенка, однако напрямую в семейные дела учеников мистер Олкотт не вмешивался — это было против его убеждений, — а стерпеть, что учитель не применяет розги и линейкой по рукам не лупит, еще как-то можно. Вскоре, однако, мистер Олкотт вздумал беседовать о Евангелиях, опубликовал еще одну книгу, и на том его школа была закрыта.

Любопытная, конечно, ситуация. Никто не возражал против того, чтобы все предметы в начальной школе вел человек без диплома, даже без аттестата. И в том, что он преподавал также Закон Божий, не было ничего странного — учитель в «Приключениях Тома Сойера» тоже не производит впечатления образованного человека или ревностного христианина (зато телесных наказаний не чурается). Но преподавание должно было подчиняться определенным правилам: учитель представлял собой нечто вроде говорящего учебника, органчика. Задача за задачей, письменное упражнение за письменным упражнением; религия как предмет — заучивание наизусть стихов Библии (помните разноцветные билетки, несправедливо накопленные Томом?) и знание назубок основных персонажей и сюжетов. Попытка Эймоса Олкотта обсуждать с малышами Священное Писание — толковать его смысл, применять к повседневной жизни — наткнулась на отпор с обеих сторон: консерваторы разглядели вольнодумство и развращение юных умов, а сторонники либеральных ценностей не поняли, с какой стати детям навязывается определенный взгляд на религиозные вопросы. Так школа в 1840 году и закрылась, восьмилетняя на тот момент Луиза осталась внутри исключительно домашнего образования, и уж никто не возражал против привлечения христианства в воспитательных целях и толкования его на всякий лад: по сути, и «консервативные», и «либеральные» критики Олкотта-про-

поведника отстаивали один и тот же сугубо американский принцип — право каждого «читать свою Библию».

Типично для любой книги того времени: персонажи со всей очевидностью христиане, они цитируют Священное Писание и одну-две общеизвестные наставительные книги. «Путешествие пилигрима» наиболее обычно, влиятельно его присутствие и в «Маленьких женщинах». (Но сразу скажем, что обычные книги тут тоже любят, и каждой читательнице пример — Джо, которая с толком заедает яблоками сладкие слезы «над вымыслом».) Без такого бэкграунда, без понимания этих людей как христиан, причем христиан практикующих, то есть помнящих о своей вере в делах каждого дня, в отношениях, поступках и оценках, едва ли мы прочтем книги Олкотт вполне верно. Это «прошивка», персонажам совершенно не обязательно декларировать свои убеждения на каждом шагу — декларации только испортили бы книгу.

Но к какой именно ветви христианства принадлежат персонажи «Маленьких женщин»? С уверенностью можно сказать лишь, что не к католикам и не к одной из ярко выраженных групп, где религия сливается с образом жизни, — не мормоны, не амиши, не квакеры. В книге Луиза Олкотт сравнивает старших сестер с молодыми квакершами, поскольку они чрезвычайно скромно и опрятно оделись. Сравнение как раз указывает на неполноту совпадения — зачем сравнивать одно и то же. Запрет на роскошь и на спиртное, обязательность дел милосердия (регулярных, а не просто по зову сердца) — известные признаки квакеров. В семье Марчей действуют те же правила, но «без фанатизма». У них принято одеваться неброско, избыточная роскошь знакомых девиц не то чтобы осуждается — нет, ни в коем случае не осуждается, — но понимается как то, чему не следует подражать. При этом украшения в меру, пояс, кружевной воротничок, новые перчатки необходимы даже с точки зрения матери семейства, которая ограничена лишь скудностью средств. В доме не держат алкоголь, однако тот факт, что шестнадцатилетняя Мэг выпила в гостях шампанского, не вызывает сакрального ужаса. Девушка раскаивается и в том, что выпила, и в том, что согласилась нарядиться в платье, предложенное из жало-

сти богатой подругой, и в том, что флиртowała — поскольку в совокупности ее поведение на вечере сводится к тому, что Мэг не была самой собой, она завидовала, она притворялась, тянулась к той жизни, которая вовсе не предназначена для нее и в которой она не может быть счастлива. Ключевое в ее раскаянии — страх утратить понимание себя, а значит, и возможность счастья. К главной теме книги — быть собой, чтобы стать счастливой — мы еще вернемся. Пока важно отметить, что в вопросах употребления алкоголя мистер и миссис Марч придерживаются близких к квакерам взглядов и предпочитают воздержание, но не смотрят на человека, пригубившего спиртное, как на погубившего себя грешника.

Более того, вино вполне допустимо как средство, укрепляющее силы больных. Забавный казус: на свадьбу Мэг богатый сосед Лоуренс дарит вино. Однако на столе это вино не появляется: две-три бутылки высшего сорта мистер Марч припрятал в качестве лекарства для младшей, хворой дочери, а остальные миссис Марч забрала в госпиталь, где помогает как волонтер. В нашем доме, строго заявляют супруги, вино подаваться не будет, особенно оно пагубно для молодых людей, которые могут углядеть в винопитии некое молодечество. Но как видим, Лоуренс, хорошо знавший супругов Марч, не догадывался, что исключение не делается даже в день свадьбы. Понимая, что люди они очень небогатые, хотел сделать подарок и уместный, и не задевающий ничьих чувств. Супруги Марч тоже проявляют своего рода деликатность и вместе с тем уверенность в высшей правоте, когда не отвергают дар, но тут же перенаправляют его тем, кому нужнее. Собственно, и знакомство Марчей с этим соседом началось с того, что мать и дочери отдали свой скромный рождественский ужин многодетному семейству немцев-иммигрантов, а старик Лоуренс, узнав об этом, накрыл для них «настоящий» рождественский стол. Может, и поэтому Лоуренс не удивляется и не огорчается из-за исчезновения вина. Не огорчаются и дочери — старшая, невеста, и вторая по счету, Джо, альтер эго автора. Но тихий юмор, высвечивающий своеобычность отца и его не всегда светские поступки, в эпизоде ощутимо присутствует.

А для помнящих евангельскую историю (ее хорошо знали и первые читатели «Маленьких женщин», и несколько сле-

дующих поколений) этот поступок — инверсия брака в Кане Галилейской: Иисус превратил воду в вино, чтобы не иссякало свадебное веселье. В книге, на самом деле, немало таких моментов, когда старшие Марчи поступают как искренне верующие, смиренные, сострадательные, стремящиеся к совершенству люди, но Отец Небесный, или, как они часто называют его, Друг, в подобной ситуации проявлял большую широту взглядов. И может быть, такое трогательное несовпадение — один из источников притягательности «Маленьких женщин». Ведь и девочки Марч, каждая на свой лад, стремятся к совершенству, и именно в этом стремлении совершают самые обидные ошибки, а порой и действительно проступки.

Так и поведение Мэг в гостях, когда она выпила и нарядилась, завидовала и кокетничала, объясняется не подростковым бунтом, а желанием совпасть с той, кем она себе видится, — красивой, привлекательной для женихов, в перспективе удачно выйти замуж, стать обеспеченной молодой леди, носить все эти наряды по праву, в соответствии со своим статусом, внешностью, представлениями о себе, общепринятыми понятиями о счастье. Так и самая младшая, Эми, стремясь быть всеми любимой и опять-таки соблюдать правила своего социума, выпрашивает у Мэг четвертак и покупает две дюжины лаймов — модное угощение в ее школе. Быть любимой и не быть в долгу («все» угощают одноклассниц лаймами, а Эми ест чужое и никак не принесет свое) — вполне благие желания, причем как раз для этой девочки органические, это ее основная мотивация, как сказали бы нынче психологи. На миг она оказывается самой популярной ученицей в классе, может вознаградить верных, а врагиню заставить глотать слюнки. Увы, за свой куда менее предосудительный поступок бедняжка Эми поплатилась горше, чем Мэг — за свой: учитель ранее запретил приносить в школу это лакомство и теперь заставляет Эми собственноручно метать лаймы в окно (к ликованию местных оборванных детишек, вот и еще одна мягкая насмешка над делами милосердия и необходимостью отдавать самое желанное тем, кому хуже), затем лупит бедняжку линейкой по рукам и оставляет до конца урока стоять перед классом, как у позорного столба. Показательна реакция матери: она немедленно забирает девочку из школы, поскольку

считает и унижение, и физическое воздействие недопустимыми. Однако дочку она бережно подводит к пониманию, что нарушить запрет учителя, пойти на поводу у желания нравиться – неверный выбор. Внутри «надежного места» (по сути, Луиза Олкотт предугадывает один из важнейших психологических и педагогических терминов, востребованных и в наше время) Эми получает возможность присмотреться к себе и к требованиям мира и к тем основам, на которых строятся отношения. Событие, которое могло обернуться травмой, с помощью доверительного разговора превращается в точку роста. И мы увидим, как вместе с Эми будет расти и ее способность уважать правила, не раболепствуя, быть приятной и принятой, но не поддаваться соблазну популяризации. А когда Эми вырастет, обнаружится, что она способна критически оценивать поступки и мотивации близких, проводить такой же разговор – столь же прямо и терапевтично – и вырастить себе «хорошего мужа», как ее мать вырастила «хорошую жену».

Некоторые взрослые люди, особенно те, кто познакомился с «Маленькими женщинами» в кино (с начала XX века чуть ли не каждые десять лет снимается новая версия), взяв в руки книгу, разочарованно тянут: «Ой, да тут нравоучения». Понятно, что в фильме передать ценности и труд выбора очень сложно. Приятно посмотреть на красивых, неунывающих девушек, находящих всяческие способы заработать – в книге шестнадцатилетняя Мэг уже служит приходящей гувернанткой, а Джо – компаньонкой придиричивой двоюродной бабушки; все неустанно шьют, помогают матери с непростым хозяйством XIX века; чуть повзрослев, и Джо своим пером, неутомимой фантазией начнет пополнять семейный бюджет. Неприукрашенная реальность – Луиза Олкотт перепробовала чуть ли не все доступные в ту пору женщинам профессии, в том числе и портнихи, не сумела разве что осуществить мечту и основать школу, с головой уйдя в писательство. Служила она и санитаркой в госпитале, когда разразилась Гражданская война – семейство Марч примерно на пятнадцать лет моложе своих прототипов. Мы застаем девочек Марч в начале Гражданской войны, в 1861–1862 го-

дах, Мэг шестнадцать, а Джо пятнадцать лет. Луиза Олкотт родилась в 1832-м, ей было к началу войны уже почти тридцать, сестра на пару лет старше. Санитаркой она прослужила недолго, заразившись тифом. Считается, что последствия этой болезни и лечения препаратом ртути ослабили здоровье Луизы и в конечном счете привели к ранней смерти в 1888 году. Но было у этого опыта и другое последствие: Луиза написала книгу на основе своих писем из госпиталя. И еще одну: о поисках работы и обретении самостоятельности. Эти книги невозможно экранизировать, и нынешнему читателю они вряд ли интересны, однако они были важны для современниц: место женщины, ее гендерная роль менялись на глазах. Быть собой для Олкотт подразумевало постоянный осознанный выбор — в пользу домашнего очага и/или работы, призвания и/или служения, «гения» и/или брака. Именно и/или: и сама Луиза, и ее персонажи порой сталкиваются с необходимостью чем-то жертвовать, но нередко и находят возможность объединить разные стороны себя. Заметим, что любовь и семья присутствуют во всех вариантах: если Джо отдается «гению», то чтобы вывезти на курорт хворающую Бет; если выходит замуж, то с прицелом основать свою школу; если погружается в домашнее хозяйство, то потому, что оно — часть ее работы или ее любви. «Феминизм» Олкотт вовсе не отрицал трудности выбора, но из проклятия («женщина вынуждена выбирать между своим призванием и замужеством») или из жупела («женщина лишена права и возможности выбирать») Луиза Олкотт превращает выбор в свободу и ответственность, столь же естественную для женщины, как и для мужчины, — а женщина вдобавок внятнее чувствует выбор и гибче сочетает всякие «и/или». Мать Луизы, между прочим, была ревностной сторонницей предоставления женщинам избирательного права, и Луизе ближе к сорока годам удалось-таки стать одной из первых голосующих женщин в своем округе — мужчины их допустили хотя бы к вопросам управления школами, не более того.

Не может фильм вместить и подробности разговоров между миссис Олкотт и ее дочерями. Как и с работой, в кино все приходится подавать более бодро, бойко, а в книге разговоры порой и правда сложны, сквозь слезы, заблуждения, исследо-

вание сердца. Ох, говорят иные взрослые, да если б я вздумала вести со своими подростками такие разговоры, они бы уши заткнули. Занудство какое! Но вспомним, что для современников Олкотт сама идея отказаться от телесных наказаний и вообще от привычного решения проблем в духе «взрослые всегда правы, пошел в угол» казалась новаторской и дерзкой. Тогда родители не вступали в «нравоучительные разговоры» не потому, что уважали подростков и боялись им наскучить, а потому, что в грош не ставили их способность понимать себя или различать мотивы поступков. Интересно, в какой мере отказ нынешних родителей от такого разбора поступков, их мотивации и последствий проистекает из неуважения к собственной или детской способности понимать, из неуверенности в общности человеческой природы «отцов» и «детей».

Ох, говорят иные современные девочки, если б ты, мама, научилась разговаривать со мной как миссис Марч!

Доверие между матерью и детьми, эти разговоры, порой общие, со всеми дочерьми сразу, как решение отдать рождественский ужин нуждающимся, но чаще с глазу на глаз, — второй, наряду с «стать собой, чтобы обрести счастье», необходимый ингредиент этой книги, истории взросления. Поскольку дочек четыре, и шестнадцатилетняя Мэг уже начала «выезжать», а двенадцатилетняя Эми еще ходила в школу, мы можем в пределах одной книги, нескольких лет из жизни семьи, видеть, как методы воспитания меняются в зависимости от возраста и темперамента детей. Мэг уже настолько взрослая, что мать не инициирует разговор, а мягко предлагает ей свою помощь. Пройдет немного времени, и вышедшей замуж Мэг миссис Марч скажет, что вмешиваться не будет ни в коем случае, даже мнение свое высказывать не станет — ответит лишь на прямую просьбу о совете. И когда такой момент наступает, разговаривает с Мэг не как старшая, облеченная материнским авторитетом, а как более опытная в искусстве быть «хорошей женой» с женой начинающей, но желающей быть такой же хорошей. То есть читать Мэг мораль, объяснять ей, какой она должна быть и какими высшими принципами руководствоваться, — лишнее. Миссис Марч дает сугубо практические советы: привлечь мужа к заботам о младенцах, чтобы и ему вернуть востребованность в семье не только в качестве

добытчика, и себя разгрузить, и детям обеспечить отцовское воспитание (очень скоро добрая строгость Джона понадобится, чтобы утихомирить избалованного Мэг сыночка). Советует миссис Марч и кормить мужа повкуснее, и наряжаться к его приходу, но главное — вновь стать самой собой. Позвать на помощь добрую помощницу Ханну и несколько часов в день уделять подругам, любимым занятиям, «самой Мэг». То есть христианский принцип внимания к ближнему, служения, ни в коем случае не превращается в нивелирование, напротив, само это служение каждый раз требует пробуждения и осознания собственного «я». Так и в сфере не только христианской любви к ближнему, но и земной любви к мужу: каждой из девочек Марч предстоит осознать себя, прежде чем сделать правильный выбор. Каждая проходит через открытие: нет, этого человека, хотя он вроде бы по всем параметрам мне подходит, хотя я к нему хорошо отношусь, я — именно я, настоящая я — не смогу полюбить по-настоящему. Мэг, мечтавшая «как все» о богатом муже и беззаботной жизни и имевшая все шансы захомотать отпрыска богатой и безалаберной семьи, предпочла Джона, домашнего учителя, с трудом нашедшего место помощника бухгалтера. И учится быть ему хорошей женой.

Кстати, обряд бракосочетания мистер Марч проводит сам и на дому: в книге он — священник. Сначала капеллан в армии Севера, затем отпущенный после тяжелой болезни (тиф в эпоху Гражданской войны уносил больше жизней, чем пули). По-видимому, в мирной жизни этот вымышленный персонаж где-то служил, возможно, и преподавал, какой-то доход начал поступать с его возвращением, и в целом материальное положение семьи улучшилось (не слишком — миссис Марч по-прежнему отдает все, что может, благотворительности). Однако ничего об убеждениях этого священника, сверх описанного выше эпизода с вином, мы не знаем: Олкотт не привязывает своих персонажей к конкретному религиозному течению, мы ни разу не увидим их в церкви, что для американской книги середины XIX века даже странно. Возможно, одна из причин в том, что писательница не хотела суживать аудиторию, благожелательное и ненавязчивое